

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-2.3>

Бухуров Мухамед Фуадович

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ-БОГАТЫРШИ В ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ АДЫГОВ

Статья посвящена изучению одной из наиболее актуальных проблем в адыгской фольклористике - специфике образа женщины-богатырши в историко-героическом эпосе. Основное внимание в работе уделено установлению истоков его происхождения, роли и влияния на развитие сюжета, а также освещению функциональных и семантических особенностей этого типа персонажей. Исходя из проведенного сравнительно-типологического анализа, автор приходит к заключению, что образ героини-богатырши сформировался на более позднем этапе продуктивного периода младшего эпоса в результате сочетания элементов архаического пласта фольклора с мотивами позднего происхождения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/9-2/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 9(87). Ч. 2. С. 233-236. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.352.3

Дата поступления рукописи: 25.06.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-2.3>

Статья посвящена изучению одной из наиболее актуальных проблем в адыгской фольклористике – специфике образа женщины-богатырши в историко-героическом эпосе. Основное внимание в работе уделено установлению истоков его происхождения, роли и влияния на развитие сюжета, а также освещению функциональных и семантических особенностей этого типа персонажей. Исходя из проведенного сравнительно-типологического анализа, автор приходит к заключению, что образ героини-богатырши сформировался на более позднем этапе продуктивного периода младшего эпоса в результате сочетания элементов архаического пласта фольклора с мотивами позднего происхождения.

Ключевые слова и фразы: богатырская сказка; историко-героический эпос; нартский эпос; Лашин; сказание; предание; мотив; сюжет.

Бухуров Мухамед Фуадович, к. филол. н.

Институт гуманитарных исследований –

филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик

mbf72@mail.ru

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ-БОГАТЫРШИ В ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ АДЫГОВ

Изучение образа женщины-богатырши в адыгском фольклоре началось во второй половине XIX в. В 1889 г. известным кавказоведом Л. Г. Лопатинским была опубликована в 12-м томе «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» сказка «Красавица Елена и богатырь-женщина» [20, с. 51-70], которая стала предметом рассмотрения многих ученых того времени. До настоящего времени большое значение имеют работы А. Н. Веселовского [17, с. 73], Л. Г. Лопатинского [24, с. 362-389], В. Ф. Миллера [17], М. Е. Талпы [22, с. 594] и др. Несмотря на то, что названные авторы не занимались специально исследованием именно этого образа, их суждения, замечания, наблюдения над отдельными мотивами представляют значительную ценность для науки. Со второй половины XX в. возрос интерес к изучению образа этой сказочной героини. Начиная с 80-х гг. были изданы монографические работы А. И. Алиевой [1], М. Ф. Бухурова [11], Ж. Г. Тхамоковой [23] и Ш. Х. Хута [29], посвященные адыгским сказкам и их разновидностям. В них устанавливаются основные типы этого образа, их функции и роль в развитии сюжетной линии, характер действия каждого персонажа, а также истоки многих смежных мотивов.

Как видно, адыгское сказковедение достигло ощутимых результатов в изучении обозначенной проблемы, чего нельзя сказать об этом в системе историко-героического эпоса. В работе адыгского просветителя XIX в. Ш. Б. Ногмова основное внимание уделено определению времени действия, описываемого в песне о богатырше Лашин [19, с. 89-90]. Также и в «Заметке» Л. Г. Лопатинского к преданию «Редедя» приводится лишь краткая аналитическая характеристика главного сюжетобразующего мотива борьбы девушки-богатырши с неприятельским богатырем [16, с. 69-71]. Некоторые замечания, касающиеся отдельных мотивов, содержатся в комментариях М. Е. Талпы к текстам, опубликованным в сборнике «Кабардинский фольклор» [22, с. 583-585]. А. А. Ципинов при классификации адыгской народной прозы отдельной группой выделяет предания о *пелуангах* (богатырях), а в качестве примера рассматривает сюжет о Лашин, не акцентируя внимания на гендерном факторе [30, с. 83-85].

В целом, как можно заметить, в плане изучения обозначенной проблемы проделана определенная работа, однако специальных исследований, посвященных характеристике этого персонажа, в адыгской фольклористике нет, чем и обусловлено наше обращение к данной теме.

В настоящей статье в качестве примера рассматривается образ Лашин, так как в нем отчетливо отражен процесс формирования образа женщины-богатырши в младшем (историко-героическом) эпосе адыгов. Слово «лашин» имеет тюркское происхождение («илячин» (лячин)), что в переводе означает «сокол». В адыгской среде оно претерпело семантическую трансформацию. В обрядовом фольклоре, например, это название используется в качестве эвфемизма к слову «змея». В архивном фонде ИГИ КБНЦ РАН хранится песня под названием «Лашин» [4-6; 25; 26], которая исполнялась во время целительных обрядов для больных, ужаленных змеей. Как было отмечено З. М. Налоевым, он «устраивался на чердаке, куда поднимали больного, чтобы змея не могла его достать и лизнуть, отчего – по суеверным представлениям – тот уже непременно умрет. Вокруг дома, где лежал ужаленный, дежурили бдительные юноши, чтобы не пропустить в дом змею, которая обязательно стремилась добраться до больного и лизнуть его. Если поблизости обнаруживался гад, то его принимали за ожидаемого и убивали» [18, с. 25]. По замечанию ученого, в песне «люди выражали змею сожаление по поводу ее вынужденного убийства (“Если бы свою пугливость не оставила, о горе, ты бы жила: чем, о горе, мы теперь тебе поможем!”) с объяснениями причины, побудившей их на этот шаг» [Там же].

Другая песня «Гармошка Лашин» [15, с. 85-87] имеет непосредственное отношение к архаическому нартскому эпосу. Однако в отличие от традиционного *пиинатля* (героическая песня о каком-либо нартском богатыре), который основан на мотиве героики, здесь преобладающими являются элементы смехового характера: в песне Лашин представлена в роли девушки на выданье, которая высмеивает всех нартских богатырей, якобы сватавшихся к ней.

Существует также сказание о сватовстве нартского богатыря Шауея, где невеста героя носит имя Лашин [Там же, с. 78-81]. При этом здесь, как и в песне «Гармошка Лашин», она сочиняет смеховые куплеты

о Шауе. Однако в другом варианте сказания [7] такую же функцию выполняет девушка Дигулипх – модифицированный прототип архаического образа дочери бога плодородия Дигуля [22, с. 587]. Также в некоторых версиях встречается имя Акуанды [Там же, с. 584] – персонаж, известный по циклам Сосуруко и Бадинокко. Есть и сказания, где имя невесты героя вообще не упоминается: она – сестра двух нартских богатырей Озырмеса и Озырмеджа [8]. Это связано, скорее всего, с тем, что поэтика всего цикла нарта Шауея близка к жанру богатырской сказки, где главное значение имеет не имя героя, а его функция. Поэтому сказитель, пользуясь творческой свободой, мог заменить имя одного персонажа другим, что мы и наблюдаем в вышеприведенных примерах из цикла названного нартского богатыря.

В отличие от названных персонажей, в рассматриваемом произведении образ Лашин наделен типичными богатырскими чертами. Как повествуется в предании, однажды Лашин доила коров. Один буйвол стал мешать ей. Лашин схватила его и перебросила через плетеную ограду. Ее свекор, увидев это, испугался, что она, обладая столь необычной силой, может однажды прибить и своего мужа. Чтобы испытать ее, свекор прибегнул к следующему. Он дал понять сыну, что недоволен невесткой, и тот вечером перед сном с плетью в руке вошел в свою комнату, подошел к жене, одной рукой схватил ее за волосы, а другой начал бить, не объясняя причины. Сам же свекор, притаившись, следил за тем, как она себя поведет. Увидев, что молодая женщина безропотно переносит ничем не заслуженную расправу, он успокоился, решив, что она не станет применять свою силу в отношении мужа.

В те времена был распространен обычай устраивать поединки между борцами враждующих сторон. Согласно условию, проигравшие вынуждены были платить дань другим. Именно это предложил пришедший в Кабарду с войском калмыцкий хан. Среди кабардинцев не нашлось такого богатыря, которого можно было бы выставить против калмыцкого силача. Узнав о богатырских качествах Лашин, народ просит ее вступить в поединок с вражеским борцом. Лашин соглашается и легко одолевает противника. По уговору, кабардинцам достается все богатство, оружие и снаряжение калмыков, и последние покидают территорию Кабарды. Место, где она боролась, назвали ее именем Лашинкай («кьяя» – перевод с тюркского – «скала», «большой камень») [15, с. 82-85]. Такова фабула этого предания.

Согласно приведенному варианту, в предании отражена борьба адыгов с экспансией калмыцкого ханства первой половины XVII в. В опубликованной Ш. Б. Ногмовым «Песне о Лашин» встречается образ Китайхана, который, по мнению М. Е. Талпы, является прототипом Чингис-хана, и на этом основании он считает, что данная песня «по принципу свободного перемещения эпического сюжета связана с нашествием татар в XIII веке» [22, с. 585]. Сходного мнения придерживается и Л. Г. Лопатинский [16, с. 69-71]. По замечанию Ш. Х. Хута, здесь нашла свое отражение борьба адыгов с ногайским ханством [28, с. 83]. В данном случае, как нам представляется, нет возможности точно определить связь сюжета с конкретным историческим фактом. Тем не менее наблюдающуюся разноречивость в вариантах предания нельзя расценивать как признак случайности. Как свидетельствуют исторические данные, с XIII по XVIII в. монголо-татарские, крымские, калмыцкие, ногайские ханы регулярно организовывали походы против адыгов [14, с. 80-170]. По справедливому замечанию А. А. Ципинова, «это обстоятельство предопределило появление на свет множества сюжетов о сражениях с крымцами, калмыками, ногайцами...» [30, с. 54]. Резонно заключить, что этническая идентификация противника и всего вражеского войска – явление весьма условное.

Соглашаясь во многом с мнением ученого, мы сомневаемся в том, что сюжет рассматриваемого предания сложился именно в обозначенный период (т.е. с XIII по XVIII в.). Как можно заметить, ядро сюжета образует мотив единоборства богатырей, который в своей архаической форме встречается в более древних жанрах адыгского фольклора, в частности в богатырской сказке и героическом нартском эпосе под названием «хэтIэ-хэсэ» («хета-хеса» – букв.: «вгони-всади» <в землю>). В ней участвуют центральный персонаж и его мифический антагонист *иныж* (великан) или *бляго* (дракон). В сказках герой вызывает на открытый поединок своего врага и предоставляет ему возможность выбрать вид поединка. Как правило, антагонист выбирает «хета-хесу». Они должны вогнать друг друга сначала по колени, затем по пояс и, наконец, по шею в землю. Победителем считается тот, кто первым вгоняет противника в землю по шею, после чего он отрубает ему голову. Так, в богатырской сказке «Три Магомета» [27] герой справляется с многоголовым великаном и освобождает похищенную им девушку.

В плане историческом поединки богатырей перед главным сражением типичны для Средневековья. В историко-героическом эпосе форма объективации древнего мотива борьбы трансформируется, и она изображается в соответствии с правилами именно данной эпохи: герой должен поднять своего противника и повалить его на землю. При этом победивший убивает или калечит побежденного. Например, в основе сюжета предания о Редее и Мстиславе Тмутараканском лежит историческое событие, датируемое 1022 г. Речь идет о предпринятом Мстиславом походе против касогов (адыгов), который зафиксирован и в русских летописях [13, с. 7-14]. Редеея предлагает русскому князю разрешить участь войны единоборством. По условию, победившая сторона получала все владение проигравшей. Мстислав соглашается, и они вступают в борьбу. В этом поединке Редеея терпит поражение: Мстислав, повалив на землю касожского князя, поражает его ножом. По такому принципу разрешается конфликт и в рассматриваемом предании о Лашин, где героиня, стиснув руку калмыцкого богатыря, разом ломает ему четыре пальца, потом вырывает у него руки и швыряет его самого через ограду. Со вторым ханским богатырем она поступает так: схватив борца, подбрасывает его вверх и, когда он падает, подставляет большой палец, и богатырь брюхом падает на палец. Лашин насквозь протыкает живот ханскому борцу [15, с. 82].

Очевидно, что все приведенные варианты основаны на одном и том же мотиве. Различие заключается лишь в форме его объективации. Это дает основание сказать, что в предании о Лашин в качестве своеобразного

«строительного материала» используется ранее сформировавшийся в адыгском фольклоре сюжет, который трансформировался в контексте нового жанра и новых обстоятельств. Подобное явление наблюдается и в системе образов предания. Несмотря на то, что в нем отражены события, сходные с реальными, персонажи наделяются чертами, свойственными героям архаического фольклора. Например, как известно, в сказке, как и в героическом эпосе, важное значение имеет внешность, сила и способности антагониста. По справедливому замечанию А. П. Скафтымова, в фольклоре «враг преувеличен, богатырь уменьшен. Враг всегда непомерно велик и силен, все от него в страхе, все подавлены его насилием, одоление его представляется решительно невозможным» [21, с. 9]. Однако герой вступает с ним в поединок и неожиданно для всех одерживает победу. Подобное явление в фольклоре, по мнению ученого, следует назвать «эффектами неожиданности и удивления», которые «выносятся на вершину внимания то, что произведение считает в себе наиболее значительным и основным» [Там же, с. 5-6]. В адыгских богатырских сказках *иныжи* бывают многоголовыми существами и обладают огромной физической силой и магическими способностями. Но герой легко справляется с ними, и тем самым подчеркивается его сила. Этот же художественный прием используется и в историко-героическом эпосе, однако здесь доминирующее положение занимают элементы реалистического характера. В названном выше предании противником Мстислава является не какой-нибудь мифический персонаж, а обычный человек – касожский князь Редедя. Но и он рисуется могучим, сильным богатырем, а чтобы победить такого силача, сам Мстислав должен обладать теми же качествами. В предании о Лашин калмыцкие богатыри представлены «мускулистыми, могучими, огромными» [15, с. 84]. А Лашин в начале предания представляется в глазах сторонних наблюдателей молодой, хрупкой женщиной. Поэтому ее и недооценивают, но в дальнейшем, неожиданно для всех, она вступает в борьбу со страшными, сильными борцами и побеждает. Очевидно, что в характеристике этого персонажа переплетаются такие фольклорные средства, как литота и гипербола: величина героини преуменьшается, а физическая сила преувеличивается, и таким образом внимание сосредоточено на образе этой героини.

В этом плане интерес представляет и мотив «укрощения» Лашин. Во многих адыгских богатырских сказках невеста, прежде чем вступить в брак, испытывает жениха: он должен состязаться с нею или с ее помощницей *Наишуидзей* (типологически соответствует восточнославянской Бабе Яге) в борьбе, в беге, в стрельбе из лука и т.п. Как правило, герой одерживает победу, после чего девушка, убедившись в его силе, выходит замуж за него [3]. Однако чтобы жениться на такой девушке, герою приходится укротить ее: *Абы хэту, еуэри, и пылэр цхьэриудри, и цхьэцыр и Лэм кьришэкЛри, къамышымыкЛэ еуэу хуежъэри цыфэ къыхуимыгъанэу хузэгуудац. Игъэгужьейри нэпланЛэ цримытым, «Уацхъуэ, уэ улъм, сэ сыфызым, сомьукЛ!» – жиЛэри, къелъэЛуу хуежъэри, цутыпцыжащ [Там же]. / Он ударил и сбил шапку, намотав ее волосы на свою руку, начал бить ее плетью, пока она не сказала: «<Клянусь> Синим небом, если ты мужчиной, то я женщина, не убивай!» – сказав, стала просить, и <он> отпустил <ее>.*

Мотив укрощения девушки-богатырши относится к общефольклорным и всегда имеет одинаковую форму объективации: «Могучая женщина побеждает и убивает женихов. Герой или его помощник побеждает ее (обычно в брачную ночь укрощает, избивая прутьями или бичом). Герой женится на богатырке» [10].

Укротить невесту-богатыршу значит лишить ее богатырских качеств. Поэтому победа героя над ней – это еще не финал противоборства. Чтобы доказать свое превосходство, жених должен обязательно укротить ее, после чего богатырша отказывается от прежних привычек и возвращается к занятиям, свойственным другим женщинам. Так, например, в былине о Дунае и Настасье в их первом поединке Дунай одерживает победу и женится на Настасье, но не укрощает ее. Поэтому Настасья еще обладает огромной физической силой, между ними заново возникает конфликт, и Дунай убивает ее [9, с. 37-40]. Подобный трагический финал отмечается в одном из вариантов сказания о гибели нарта Батраза, где его невеста представлена богатыршей, выполняющей функцию кровомстителя и одновременно ищущей жениха сильнее себя. Ее образ связан с известным в мировом фольклоре сюжетом «Ивиковы журавли» [10]: Батраз убивает брата девушки-богатырши Койдана, чтобы завладеть его кольчугой. Тот обращается к траве перекати-поле с просьбой раскрыть тайну убийства. В поединке с сестрой Койдана Батраз одерживает победу и, не укротив, женится на ней. Через несколько лет Батраз смеется при виде травы перекати-поле, тайна раскрывается, и она мстит за кровь своего брата [12, с. 52].

Как можно заметить, в произведениях более древних жанров фольклора в развитии сюжета большое значение имеет мотив укрощения невесты-богатырши. В предании о Лашин его основная функция приглушена: здесь отсутствуют мотивы поиска и испытания жениха-богатыря (о богатырстве ее мужа вообще речи не идет), а сама Лашин, в отличие от сказочной героини, в начале предания представлена уже замужней женщиной и функционально близка к традиционному типу невестки: она незлобива, покорна и этикетна. Вместе с тем в раскрытии ее образа присутствует мотив укрощения. Это следует рассматривать как прямое перенесение из предшествовавших историческому преданию наиболее древних жанров фольклора, в частности из богатырской сказки и героического эпоса, так как, согласно мифопоэтической традиции, Лашин должна соответствовать типичному образу богатырши.

Что касается мотива поединка между ней и мужчиной-богатырем, то и здесь мы наблюдаем трансформацию его древней основы. Как было нами отмечено ранее, «основная функция девушки-богатырши в сказке – найти богатыря-мужчину, превосходящего ее своей силой» [11, с. 86]. В рассматриваемом предании основной целью Лашин является не поиск идеального жениха-богатыря, а интересы всего кабардинского народа: после ее победы над чужеземным силачом он освобождается от зависимого положения. Другими словами, заслуга всего народа в борьбе с иноземными захватчиками приписывается одной Лашин, и тем самым идеализируется ее образ. В данном случае очевидно, что архаические мотивы героического сватовства, испытания

женых и др. в предании занимают периферийное положение, и на первый план выдвигается мотив защиты государства, который, по мнению большинства специалистов, появляется в эпосе на более позднем этапе его функционирования. Однако этот новый элемент развивается в предании в переплетении с мотивами, сформировавшимися ранее в архаических жанрах адыгского фольклора.

Итак, до выдвигания младшего эпоса в центр внимания общества героиня по имени Лашин занимала значительное место в адыгском фольклоре, и, как можно заметить, ее имя свободно переносилось из одного жанра в другой, и в зависимости от жанровой принадлежности этот персонаж наделялся новыми качествами и новыми функциями. Все сказанное позволяет заключить, что в историко-героическом эпосе образ женщины-богатырши (часто она фигурирует под именем Лашин, а иногда это безымянная «сестра семи братьев») создавался в результате слияния разностадиальных мотивов, где архаические мотивы ассимилировались эстетическими принципами названной разновидности эпоса.

Список источников

1. Алиева А. И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. 280 с.
2. Алиева А. И. Примечания к сказкам // Сказки адыгских народов / сост. А. И. Алиева. М.: Главная редакция восточной литературы Издательства «Наука», 1978. С. 355-378.
3. Архив Института гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (Архив ИГИ КБНЦ РАН). Ф. 12. Оп. 1. Папка № 6-а. Паспорт № 4.
4. Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Папка № 12. Паспорт № 9.
5. Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Папка № 12. Паспорт № 10.
6. Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Папка № 12. Паспорт № 11.
7. Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Папка № 32-н. Паспорт № 1.
8. Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Папка № 32-н. Паспорт № 7.
9. Балашов Д. М., Новичкова Т. А. Русский былинный эпос // Былины: в 25-ти т. / Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) РАН. СПб. – М.: Наука; Классика, 2001. Т. 1. Былины Печоры: Север Европейской России. С. 21-78.
10. Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: аналитический каталог [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (дата обращения: 01.06.2018).
11. Бухуров М. Ф. Адыгская богатырская сказка. Нальчик: КБИГИ, 2015. 160 с.
12. Бухуров М. Ф., Гучева А. В. К составлению указателя сюжетов нартовского эпоса адыгов (на материале сказаний цикла о Батразе) // История науки и техники. 2015. № 11. С. 44-55.
13. Дзамихов К. Ф. Адыги: веки истории. Нальчик: Эльбрус, 2008. 816 с.
14. История Кабардино-Балкарской АССР: в 2-х т. / гл. ред. Т. Х. Кумыков. М.: Наука, 1967. Т. 1. 484 с.
15. Кабардинский фольклор / общ. ред. Г. И. Бройдо. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 651 с.
16. Лопатинский Л. Г. Заметка // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1891. Вып. 12. Отд. 1. Ч. 2. С. 69-71.
17. Миллер В. Ф. Заметка // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1891. Вып. 12. Отд. 1. С. 70-77.
18. Налоев З. М. Неприуроченная бытовая лирика адыгов // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов: в 4-х т. / под ред. Е. В. Гиппиуса. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. Т. 4. Ч. 1. Неприуроченная лирика. С. 5-35.
19. Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик: Эльбрус, 1994. 232 с.
20. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1891. Вып. 12. 618 с.
21. Скафтымов А. П. Статьи о русской литературе. Саратов: Саратовское книжное издательство, 1958. 392 с.
22. Талпа М. Е. Комментарии и варианты // Кабардинский фольклор / общ. ред. Г. И. Бройдо. Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 573-618.
23. Тхамокова Ж. Г. Адыгская бытовая сказка (сюжетный состав в сравнительном освещении). Нальчик: КБИГИ, 2014. 222 с.
24. Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX века / общ. ред. А. М. Гутова. Нальчик: Эльбрус, 1979. 404 с.
25. Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 205.
26. Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 736.
27. Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 1037.
28. Хут Ш. Х. Адыгское народное искусство слова. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2003. 536 с.
29. Хут Ш. Х. Сказочный эпос адыгов. Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, 1981. 191 с.
30. Ципинов А. А. Народная историческая проза адыгов. Нальчик: Эль-Фа, 2009. 159 с.

FEMALE BOGATYR IMAGE IN THE ADYGHE HISTORICAL AND HEROIC EPOS

Bukhurov Mukhamed Fuadovich, Ph. D. in Philology
*Institute for the Humanities Research – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences, Nalchik*
mbf72@mail.ru

The article is devoted to studying one of the most relevant problems in the Adyghe folkloristics – the specificity of the female bogatyr image in the historical and heroic epos. The author focuses on identifying its origin, role and influence on storyline development and describes the functional and semantic peculiarities of this type of personages. The comparative-typological analysis leads to the conclusion that the female bogatyr image was formed at the subsequent stage of the younger epos period as a result of the combination of archaic folklore elements with the motives of later origin.

Key words and phrases: heroic tale; historical and heroic epos; Nart sagas; Lashyn; tale; legend; motive; storyline.